

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XIV–XIX ВЕКОВ

Рассматриваются вопросы развития уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в российском государстве. Обозначаются исторические предпосылки становления института посредничества во взяточничестве и закрепления его в уголовном законодательстве. Раскрываются особенности конструирования указанной нормы в разные исторические периоды. Дается краткая характеристика основным правовым актам, содержащим нормы о взяточничестве, которые сыграли немаловажную роль в выделении посредничества во взяточничестве в качестве самостоятельного состава преступления.

Ключевые слова: взяточничество, посредничество во взяточничестве, уголовная ответственность, развитие уголовной ответственности, история уголовного закона.

А.А. Khristiuk

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR BRIBERY MEDIATION IN RUSSIAN LEGISLATION OF THE XIV–XIX CENTURIES

The article deals with the development of criminal liability for mediation in bribery in the Russian state. The historical prerequisites for the establishment of the institution of mediation in bribery and its consolidation in criminal legislation are indicated. The features of the design of this norm in different historical periods are revealed. A brief description of the main legal acts containing the norms on bribery, which played an important role in the selection of mediation in bribery as an independent corpus delicti, is given.

Keywords: bribery, mediation in bribery, criminal liability, development of criminal liability, history of criminal law.

О таком негативном явлении, как незаконное вознаграждение впервые говорилось в контексте «посулов» еще в XIV в. Далее смена правителей, сопровождалась сменой отношения к коррупции. К примеру, в России в годы правления Петра I предусматривалась уголовная ответственность за принятие взяток и «посулов» за нее.

В свою очередь, существующий на то время Судебник 1497 г. как и предшествующий ему закон не отображал в своих нормах соответствующего понятия, а также признаков, форм и видов соучастия. При этом данный закон четко отразил повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых сразу несколькими лицами.

Отличительной чертой рассматриваемого древнерусского уголовно-правового памятника стало наличие в его нормах статьи, впервые обеспечение на законодательном уровне ответственности за посредничество в служебной преступности – взяточничестве [7, с. 82]. Впервые этот законодательный акт предусматривал ответственность за действия государственных чиновников, которые при рассмотрении судебных дел получали материальные ценности. Таким образом, самая первая норма Судебника законов посвящена запрету на получение обещаний лицами, занимающими судебные должности: «Судите суд по боярам и окольниковым. И при дворе жизни у бояр и у умершего дьякона. Но были обещания боярина, окольниковичева и дьякона со двора от горя, а не от има; и каждому судье обещание суда не было дано никому» [10, с. 459].

Под посулом понимали получение лицом, осуществляющим правосудие, различных гостинцев, подарков, а также денежного вознаграждения.

Главой «О посулах и о послушестве» было запрещено указанным выше лицам давать взятки: «Да велети прокликать по торгам в Столице и во всех городех Столичной земли и Новгородские территории и по всем поселениям заповедей, чтобы ищя и ответчик судиам и приставом посулу никак не обещали в суду...».

В Сборнике 1497 г. помимо общепринятых мер содержащих уголовно-правовые запреты, был установлен состав участников судопроизводства со стороны официальных органов, которых, в свою очередь, государь наделил правом рассмотрения судебных дел.

В перечень данных лиц входил надельщик, под ним было принято понимать судебного пристава, который выполнял свои обязанности по неделям. Состояли такие надельщики при ладьях, вносивших их имена в специальные книги, при вступлении в должность. В обязанности судебных приставов того времени входило: оповещать стороны о вызове в суд и доставлять их к суду, а также осуществлять поимку разбойников и татей. Надельщикам предназначалось вознаграждение с вызываемых лиц.

В тоже время существовала глава под названием «О надельщиках указ», которая предусматривала ответственность надельщика за неправомерные действия с его стороны при осуществлении полномочий.

Более тщательное изучение данной статьи показывает, что «надельщику было запрещено принимать или требовать посулы, даже если он сам их не брал, но для тех, кто осуществляет судебное разбирательство, круг которых был указан в статье: «А надельщиком, на суде имейте выдающуюся позицию по отношению к боярам, крестьянам, дьяконам, не просите с них посулы и не выполняйте обещаний» [4, с. 49].

Данная норма устроена так, что надельщик мог нести по ней самостоятельную ответственность, как в качестве непосредственного виновного, который получал или вымогал посул, так и в качестве посредника в получении взятки, с ее дальнейшей передачей лицу, осуществлявшему судебное разбирательство.

Также законодатель в обсуждаемой статье ставит на один уровень преступления разные по степени опасности, такие как вымогательство взятки и ее получение. Несмотря на то, что наказания за преступные деяния судебному

приставу уголовно-правовым запретом не предусматривалось, это вовсе не указывало на его отсутствие. При этом, абсолютно в каждом случае главой государства либо его доверенными лицами определялась мера ответственности.

Необходимо отметить, что вышеуказанной нормой наказание за посредничество во взяточничестве в получении посулов никак не довольствовало. Например, главой «Указ наместника о городском суде» наряду с указанием состава лиц, отправляющих правосудие в городах, также запрещал требовать или получать вознаграждение как для себя лично, так и для вышеуказанного должностного лица: «И бояре или дети бояр, для которых кормление при дворе боярами, судят о долгах, и в суде у них есть дворянство, а также старшие и лучшие люди. И без дворского, и без старосты, и без лучших людей суд не судит наместников и властителей; и они не обещали им от суда, а не имеют, а их тиуну и их народ не обещали их от суда ни своему государю, ни тиуну, и не просят от суда обещаний.

Следует отметить, что наказание за посредничество при получении обещаний в Судебном указе 1497 г. не ограничивалось только вышеупомянутой нормой. Так, в главе «Указ наместника о городском суде» наряду с указанием состава лиц, отправляющих правосудие в городах, было запрещено получать или требовать вознаграждения для себя или для старшего должностного лица: «Но Бояре или бояре, за которых идут суды с боярами, их нужно судить, а в суде у них есть дворянство, и старшие, и лучшие люди. И без придворного, и без старосты, и без лучших людей суд не судит наместника и волостостного; и они не обещали их от суда, а их тиуна и их народ не обещали их от суда ни своему государю, ни тиуну, и не просят обещаний от суда».

Также в Судебнике 1550 г. в полном объеме повторяются установленные нормы об ответственности лиц за посредничество при даче взятки при осуществлении судебных разбирательств.

Стоит обратить внимание на то, что статьей 32 Судебника была предусмотрена норма подобная норме Сборника 1497 г. об ответственности надельщика за посредничество в получении посула. К тому же, список лиц, для которых надельщик мог просить взятку, увеличился на дворецкого и казначея.

Единственным отличием рассматриваемого памятника права является то, что на законодательном уровне предусмотрена не только ответственность для надельщиков, которые совершили посредничество во взяточничестве, но и предусмотрены конкретные виды наказаний за данное деяние. О чем свидетельствует статья 32: «... А которой надельщик возжег на суде на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или себе посул возмет, и уличат его в том, также этого надельщика казнити торгашескую казнью, а посул на нем доправити втрое да из недель с месяца выкинути» [4, с. 65].

Наглядно видно, что надельщик подвергался достаточно суровому наказанию за нарушение закона, которое выражено в получении посулов или в требовании их для дальнейшей передачи лицам, которые осуществляют судебное разбирательство. Например, надельщика могли приговорить к торговой казни или к возврату взятки в тройном размере с отстранением возможности. При

этом не подвергались уголовной ответственности лица, которые получали взятку через посредничество надельщика.

Следующим этапом в развитии ответственности за посредничество во взяточничестве являются положения Соборного Уложения 1649 года.

В соответствии со ст. 7 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 года, судье было запрещено получать обещания через своих родственников или посторонних лиц, а не лично: «Но кто примет во внимание лоб с судьей, что он не обвинял его в обещании, но взял из этого несправедливого дела его брата или сына, или племянника, или человека, направил судью слушание боярам и вынес решение по этому делу, в зависимости от дела...». В тех случаях, когда данное обстоятельство было доказано, судья в равной степени нес ответственность за получение взятки. В то же время посредники во взятке не несут ответственности [6, с. 35].

Немного другая ситуация прослеживается в ст. 12 этой статьи Уложения, предусматривающей личную ответственность «подьячего» за оказание помощи дьяку в реализации соглашения между дьяком и взяточником путем внесения ложных записей в судебные протоколы: «И какой дьяк стремится к кто-то, обещающий... приказывает суду подьячему написать иначе, чем это было в суде, и, как было написано в предыдущей записке для руки истцова и ответчика, и в соответствии с этим жестким приказом писца, это судебное дело будет быть написанным через неделю, и он не ищет ничего, кроме этого, и для этого вы совершаете торговую казнь, избиваете его кнутом, и даже не быть, а подьячего казнить, отрезав руку...» [5, с. 340].

Следует отметить, что в этой норме законодатель сделал исключение в отношении равной ответственности среди соучастников данного преступления. Более того, как видно из положений этой статьи, посредник во взяточничестве подвергался более суровому наказанию, чем лицо, получившее взятку: дьяк - за коммерческое исполнение и отстранение от должности, в то время как подьячий, который делал неправильные записи по приказу дьяка, должен отрезать руку [8, с. 79].

Статья 8 той же главы Соборного Уложения предусматривает уголовную ответственность лиц, которые получили взятку от взяткодателя, как бы для передачи судье с целью принятия правильного решения для стороны, которая передает вознаграждение, но фактически назначает взятку – вознаграждение в свою пользу. Такой поступок В.В. Шеретов называет «мнимое посредничество». За его совершение было установлено наказание, предусматривающее возвращение в казну стоимости полученного в трехкратном размере и лишение свободы «до государева указу» [11].

Первые трактования об ответственности за посредничество были обнаружены в Особой части Соборного Уложения. В данном Уложении ст. 401 гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» раздела V «О преступлениях и проступках по службе» законодатель вводит определенные ограничения, которые распространяются не только на чиновников и членов их семей, а также на каждого виновного в получении взятки. Тем же Соборным Уложением в разд. 405 предусмотрено наказание за получение взятки посредством иных лиц, в том числе близ-

ких людей, также считается или подкупом или вымогательством. В ст. 412 Соборного Уложения давалось понятие лиходателя, а также в рамках данного Соборного Уложения были закреплены правовые нормы о наказании последнего. В свою очередь, глава VI «О мздоимстве и лихоимстве», кроме привычных составных частей преступления включала в себя нормы ответственности за посреднические действия, также предполагалось наказание, как за принятие, так и за дачу взятки:

- неправомерный сбор денег или иных вещей представляющих ценность, а также другого имущества чиновниками занимающих должности в сельском и волостном правительстве, помощникам писаря, писарям, запрещалось собирать подаяния использованное для приобретения подарков и гостинцев предназначенных для должностных лиц (ст. 408);

- помощь в передачи взятки взяточничеству или вымогательстве (ст. 409);

- запрещалось представителю крестьянской общины подкупать чиновника и членов его семьи путем дачи подарков и гостинцев (ст. 411).

В ст. 408 Соборного Уложения была закреплена ответственность за сбор денежных средств или других вещей представляющих ценность, которые направлялись на покупку гостинцев и угощений:

- если собранные деньги и ценности должны были быть направлены на обращения подкупа должностных лиц и членов их семей;

- если собранные деньги или ценности были присвоены сборщиком с целью наживы.

За такое лжепосредничество было предусмотрено более строгое наказание нежели за обычное посредничество во взяточничестве. Данное посредничество уже в те времена считалось мошенничеством.

В ст. 409 этого же документа, рассматривались преступления, такие как лиходейство и мздоимство. Считалось, что если некое лицо получило взятку вместо чиновника или помогало в передаче взятки, то такое лицо признавалось посредником в получении взятки или в ее даче:

- если должностные лица находились в курсе того, что их подчиненные были задействованы в даче либо в получении взятки, но не приняли соответствующих мер для искоренения данных злодеяний, а также не поспособствовали обнаружению и наказанию задействованных в данном правонарушении лиц.

- судьи, которые обошли стороной.

Исходя из положения данной статьи, посредничество во взяточничестве проявлялось в следующих методах: в получении или передаче предмета взятки должностному лицу; в посредничестве с требованием предмета взятки и исчисление штрафа в качестве наказания за взяточничество и посредничество при его осуществлении.

Как видно, законодателем досконально разобраны всевозможные проявления посредничества во взяточничестве. Плюс ко всему, помощь посредника взяткодателю или взяткополучателю выражалась не только в достижении передачи взятки либо ее получении, а также в содействии при ее вымогательстве [3, с. 24]. При рассмотрении ст. 409 данного Уложения Н.А. Громов полагаясь на разъяснения Управляющего Сената 1902 г. по делу № 19 в отношении

Клемборта замечает, что в настоящей статье упоминается об «ответственности любых лиц, которые способствовали подкупу и вымогательству, без единого ограничение спецификации на должностных лиц и частных лиц, которые способствовали взяточничеству» [2, с. 34].

Разумеется, не обошлось без квалификации действий лица (крестьянина), которое не принимало участие в непосредственном вымогательстве взятки, а согласилось передать взятку чиновнику только лишь по незнанию своих прямых обязанностей. Законодатель четко дает понять, что незнание запрета на совершение посредничества во взяточничестве не освобождает лицо давшего взятку от наказания, даже если он не от своего имени привлечен к уголовной ответственности.

Следует указать, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1857 г. оставило аналогичную редакцию норм о противодействии взяточничеству, чего нельзя сказать про Уложение в редакции 1866 г., так как общепризнанные нормы в ответственности лиходателей (ст. 411 и 412) были изъяты на основании высочайше утвержденного одобрения Государственного Совета 27 декабря 1865 г.

А. Лохвицкий разглядел обоснование действиям законодателя в декриминализации указанных деяний в том, что «у нас, взятки так распространены, к несчастью, что тяжело винить тех, которые передавали их чиновникам», а «солидарность дающего и берущего взятки уменьшала бы способность установления и преследования их».

В Уложении 1866 г. сохранилась наказуемость лиходателей, правда, лишь в одном случае – в ст. 382: «Лиходатели, обнаруженные при убеждении находящихся на службе государственной или общественной украсть, скрыть, уничтожить, или же в чем-то помянуть одну или группу из включенных в дела бумагу, или же совершить другой сего или иного рода подлог...». При этом абсолютно в неизменном состоянии оставалась ст. 409 Уложения которая была посвящена наказанию содействующих.

Нельзя не сказать о том, что данным Уложением во все времена преследовалась цель наказания за посредничество при получении взятки, при этом все не имел значения факт того, способствовал хоть как-то обвиняемый достижению договоренности между сторонами сделки, которые несут персональную ответственность за дачу и (или) получение предмета взятки.

В результате рассмотрения вопроса о посредничестве в преступлении в российском уголовном праве X–XIX вв. можно сделать вывод, что самые первые законы того периода уже предусматривали наказание за посредничество, о чем свидетельствуют Судебники 1497 и 1550 гг. Такое посредничество проявлялось в поощрении взяточничества или вымогательства взятки.

Дальнейшее формирование института посредничества в преступности в уголовном законодательстве нашего государства на рубеже рассматриваемого многозначительного этапа, к сожалению, содержалось лишь в ужесточении запретов на некоторые проявления посреднических действий. Пока единая теория посредничества, не содержала анализируемых законов.

Значительный прогресс был, достигнут в установлении посредничества в уголовно-исполнительном Уложении. Ввиду особых запретов на посредничество в случае преступления, предусмотренного Уложением, рассматривается как коллективное понятие. Это может быть выражено как поддержка в достижении и реализации соглашения между сторонами, а также в привлечении и укрывательстве преступления в других вопросах.

Тем не менее, существуют случаи, когда наказание было установлено для содействия достижению или осуществлению соглашения, в то время как действия сторон сделки не подлежали уголовному преследованию.

Вместо уголовно-исполнительного Уложения 1885 г. издания, начали использовать Уголовное уложение, которое было утверждено 22 марта 1903 г. [1, с. 55]. Несмотря на то, что Уголовное уложение использовалось лишь частично, а именно нормы Общего и некоторые главы Специальной части, определенно достигли более высокого уровня, в отличие от своих предшественников. С точки зрения плана правоохранительных органов, это связано с более точным определением признаков как независимых институтов и признаков определенных элементов преступления.

Этот закон предусматривает судебное преследование лиц, которые были посредниками во взяточничестве. Только должностные лица, которые работают с получателем взятки, и должностные лица, которые виновны в сознательном содействии исполнителю в получении взятки, были признаны виновными в таком посредничестве.

В остальном ст. 660 гл. XXXVII «О совершении преступных действий во время службы как государственной, так и общественной» «говорит»: «Работника целенаправленно поддерживающего лицо, которое было задействовано в передаче взятки, наказывали как соучастника данного преступления». При этом законом предусмотрен открытый список вариантов «иногo посредничества».

После прочтения данной нормы Н.С. Таганцев сделал вывод о том, что подобные действия работника объяснимы посредничеством: «если она проявляется в посредничестве, состоящем из: а) представления предложений, запросов или просьб подарков для определения того, что и для чего дается, и, как правило, в качестве посредника для совершения взятки; б) при передаче подарка, то есть при практической передаче взятки взяточнику или другому лицу по его просьбе или в договоре с лиходателем; в) если взятка принимается под собственным именем, эта поддержка может быть предоставлена либо для сокрытия преступления в дар, либо для сокрытия истинного виновника взятки» [9, с. 452].

Абсолютно все варианты помощи при достижении договоренности между лиходателем и взятополучателем следует относить к другому посредничеству, данная квалификация предусмотрена ст. 660 Уложения. В то же время деяния самого лиходателя Уголовным уложением оценены не были.

Список использованной литературы

1. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // История государства и права. – 2014. – № 5. – С. 52–57.

2. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 30–35.

3. Пермяков М.В. История возникновения коррупции в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 18–28.

4. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства // Юридическая литература. – 1985. – С. 40–56.

5. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма // Юридическая литература. – 1986. – С. 326–355.

6. Рустамова Ф.Н. История становления и развития ответственности за посредничество во взяточничестве. – 2015. – № 2. – С. 34–36.

7. Сунгатуллин А.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления в середине XIX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. Научные труды кафедры уголовного права. Вып. 3 / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина // РАП. – 2013. – С. 82–84.

8. Сунгатуллин А.Ю. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3. – С. 78–81.

9. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (ред. 14.03.1906 г.) // Феникс. – 1904. – С. 438–461.

10. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – 2-е изд., перераб. и доп. // Проспект. – 2008. – С. 453–464.

11. Шеретов В.В. Противодействие взяточничеству: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 188 с.

Информация об авторе

Христюк Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: a_x_a@mail.ru.

Author

Anna A. Khristyuk – Candidate in Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: a_x_a@mail.ru.